

Я тебя, мой Киев, узнаю
По неторопливым пешеходам,
По спешащим к морю таянн водам
И, как загарованный стою.
Тут и там без усталости сплывают
По протокам катерки-трудяги,
И, хлебнув с утра весенней браги,
Провода трамвайные плывут.
Первые неброские цветы,
Первые зеленые листочки
Я, в который раз влетаю в строки
Для тебя, и это знает ты.
Пусть не я, а кто-нибудь другой,
В радости, а может быть, в печали,
До тебя возвысится строкой
И по праву к вечности пригласит.

НЕПОДСУДЕН

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

Владимир
ШЕМШУЧЕНКО

НЕПОДСУДЕН

**Владимир
Шемшученко**

Неподсуден

**Киев
2004**

ББК
УДК

Слава Богу, не оскудела земля русская
истинными талантами.

Рождает она ещё поэтов.

Владимир Шемшученко — поэт.

Глеб Горбовский

Владимир Шемшученко. Неподсуден. Стихотворения.
— Киев, : и т. д.

Шемшученко Владимир Иванович родился в 1956 году в Караганде. Получил образование в Киевском политехническом, Норильском индустриальном и Московском литературном институтах. Работал в Заполярье и Казахстане. Член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана. Лауреат Международной премии «Поэзия», победитель первого международного конкурса поэзии в г. Москве. Лауреат премий имени Н. Гумилева и А. Прокофьева, обладатель «Золотого пера Московии», действительный член Петровской Академии наук и искусств, собственный корреспондент «Литературной газеты».

В данную книгу вошли лучшие стихотворения известного поэта из написанных за последние десять лет.

ISBN

© В. И. Шемшученко, 2004

Прегисловие

полоса под предисловие

КАРАГАНДА (1994–1999)

Караганда

Дождь прошёл стороной,
и вздохнул терриконник —
Сводный брат нильских сфинксов
и сын пирамид.
Смерч подбросил листву
на незримых ладонях,
Зашвырнул чей-то зонтик на мой подоконник,
И умчался в притихшую степь напрямик.

За мгновение взлёта ресниц опалённых
Взгляд проник сквозь безумье
степных миражей.
Я увидел, что льётся рекой раскалённой
Золотистое буйство раплавленных клёнов
На изломы и спектры цветных витражей.

Вечер сыплет крупу антрацитово́й пыли
На усталых людей, доживающий век.
Город мой, ведь тебя никогда не любили,
Твои сказки похожи на страшные были,
И кровит под ногами карлаговский снег.

Отгремели литавры латунных и прочих
За народ отболевших морщинистых лбов,

На их место сбежалось немало охочих
Музыкантов, игравших не то, чтобы очень,
Но усвоивших музыку правильных слов.

Утопает в грязи свет невымытых окошек,
Ночь троллейбусам уши прижала к земле...
Город кормит с ладони остатками крошек,
Прячет в тёмных дворах издыхающих кошек,
Но собачники утром отыщут их след.

На сожжённую степь, на холодный рассвет
Дует северный ветер — гонец непогоды,
На дымящие трубы нанизаны годы...
В этом городе улицы в храм не приводят.
Да и храмов самих в этом городе нет.

* * *

Мысль превращается в слова,
Когда ослепнешь от испуга
И кругом, кругом голова,
Когда нет преданного друга,
Когда не подадут руки,
Когда никто не интересен,
Когда не крикнуть: «Помоги...», —
Когда тошнит от новых песен,
Когда оборваны шесть струн
И мошкаррой роятся слухи,
Когда давно уже не юн
И смотрят искоса старухи.

Мысль превращается в слова,
Когда, безумием объятый,
Ты слышишь, как растёт трава
Из глаз единственного брата,
Когда ночей твоих кошмар
Впивается в неровность строчек,
Когда о край тюремных нар
Ты отобьёшь остатки почек,
Когда кружит водоворот,
Когда не объяснить событий,
Когда копаешь, словно крот,
Нору в осточертевшем быте.

Мысль превращается в слова,
Когда лишь пыль в пустой котомке,
Когда года летят в отвал,
Когда одни головоломки,
Когда на камни — без соломки,
Когда в семье сплошной развал,
Когда идёшь по самой кромке —
Мысль превращается в слова.

* * *

Колокольцы на шею пожалуйте мне
И ночлег в запорошенном снегом стогу!
Кто-то может иначе, а я не могу,
Потому не ищу утешенья в вине.
Если веру вчерашние топчут друзья,
Если память —
    лишь кровь под ногтями Руси,
Принимаю в наследство закон бытия:
Не бойся!

Не верь!

Не проси!

Остановка

Казармы. Вокзалы. Времянки.
Косые дожди за окном.
Всего три минуты стоянки —
И кто-то бежит за вином.

Рождённому в чаде и сраме
Бутылка вина на столе —
Дорога от эпоса к драме
По этой несчастной земле.

Пируешь, души не смущая,
А выглянешь ночью в окно —
Лишь тусклый фонарь освещает
Название станции: «ДНО».

Картина

Базарная площадь.
Старик — поводырь обезьянки —
Владелец шарманки
и счастья за ломаный грош,
И запах хурмы, и гаданье цыганки,
И бритый узбек, заносащий над дынею нож.
Всплывает из памяти
пёстрый узор минарета
И, словно гадюка,
сползает к нагретой земле...
И руки узбека
забрызганы кровью рассвета.
Рисую, чтоб памятью переболеть.
И штрих за штрихом,
словно наземь убитая птица,
И ярость мазка, как прорвавшая шлюзы вода,
И чья-то судьба —
просто загнутый угол страницы.
Гадала цыганка. Гадала, гадала, гада...
И корчится холст
от дыхания знойного лета.
На шаг отойду,
и сквозь пальцы дрожащей руки
Гляжу, как ожившие краски рассвета
Ладонью стирает узбек с напряженной щеки.

* * *

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега,
И вольная мысль хороша.

Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны.
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

Арифметика смерти

А всё начиналось просто:
Мы шли с похорон отца.
Мой брат — он такого же роста,
Лишь резче черты лица...

Он тоже недавно умер,
Сгорел на моих руках...
С тех пор телефонный зуммер
Прописан в моих строках.

И третья смерть не отстала,
Медлить — удел живых.
Я молча прошел три квартала.
Три года — и нет троих.

Дома, в сумраке стёртом,
Лишь я остался да мать.
Молчали.

Кто будет четвёртым?
И стыдно теперь вспоминать...

Суг

Помню, дьявольский этот соблазн:
жизнь прожить в полный рост, без обмана,
Нашептал мне угрюмый и пьяный
возле местной пивнушки мужик,
Выгребавший последнюю медь
из продутого ветром кармана,
Чтобы завтра, с лихого похмелья,
опрокинуть в кювет грузовик.

Что он смог доказать и кому?
Смерть есть смерть, и не будет иначе.
Но так хочется верить, заплачет
по нему умирающий век,
И по тем, кто ещё не сбежал
на крылатой заезженной кляче
За черту, где над Словом не властен
ни один на земле человек.

Уповаю на русскую речь,
в ней ищу совершенства истоки.
Я иду, распадаясь на строки,
сквозь гранитную твердь бытия,
Чтоб когда-нибудь этот мужик,
отбывавший вселенские сроки,
Повстречался на торной дороге
и в глаза поглядел, как судья.

* * *

Длиннее стали вечера,
И на лиловые сугробы
Луна, как знаки высшей пробы.
Роняет капли серебра.

Тень абажура на ковре,
Портрет великого Вольтера
И в дополненье интерьера —
Декабрь и графика Доре.

* * *

Разорванный к клочья закат
На сучьях висит лоскутами.
Земля зарастает крестами,
И рай превращается в ад..

Гляжу в амбразуру окна,
Где ночь но безвременно скачет,
И мозг обворованный плачет
О памяти на имена.

* * *

Затерянный в зиме, которой нет конца,
В бездумные глаза не перешедших в други
Выплёскиваю боль от первого лица
Под аккомпанемент беснующейся вьюги.

А где-то, в тишине умеренных широт,
Среди пустых полей и безработных пугал
Мой сверстник за столом,
                кривя в усмешке рот,
Всё ищет на листе извечный пятый угол.

Он трогает рукой предельно хрупкий мир.
Он мечется в сетях вопросов и ответов
И слепнет он, как я, за окнами квартир —
Оконное стекло не преломляет света.

Городская рапсодия

1

Не скрипнет половица в темноте,
Когда с улыбкой пойманного вора
Я не начну пустого разговора,
И ты в своей слепящей наготе
Присядешь рядом, поглядишь в окно
И скажешь: «Мне пора, уже светает...», —
И я увижу — пальцы заплетают
Распущенные волосы...

        Давно,

А может быть, ещё совсем недавно
Я жил на этой жертвенной земле...
И снова по дымящейся золе
Иду с тобою медленно и плавно
И все надеюсь стебелёк травы
Найти на этом мёртвом пепелище.
Кто я?

        Наследный принц?

        Наследный нищий?

Или всего лишь тот, кто головы
Не потерял средь этой круговерти?
Но ты, любовь моя, откуда ты?
Мне кажется, что мы с тобой — цветы,
Забывтые судьбой в долине смерти.

2

Обезьянка, палач мой,
 моя нестерпимая боль!
 Этот глухой спектакль, этот выбор
 меж чувством и телом
 Был разыгран отменно,
 и каждый сыграл свою роль.
 И теперь ты уходишь...
 Кого ты, глупышка, хотела
 Встретить здесь, в этом доме,
 где ночью царит тишина,
 Где лишь книжные полки
 да запах увядшей сирени,
 Где в единственном зеркале
 полная стынет луна
 И всего-то богатства —
 на стенах дрожащие тени?

3

Приходит ветер но ночам
 и треплет старые афиши.
 Крылом... Крылом летучей мыши
 трепещет острый край плаща,
 На дне фонтана спит луна,
 упавшая с дворцовой крыши,
 И только губы цвета вишен мне шепчут
 буднично: «Прощай...»
 Роняя наземь лепестки,
 шипами обозначат розы
 Путь от поэзии до прозы.
 И вот — мосты разведены...

Мне не избыть теперь вины,
 но я сыграю Берлиоза,
 Покуда улицы темны.

И вздрогнет скрипка под смычком,
 и шпиль качнётся в полумраке.
 Я с детства ненавижу драки,
 но я бросаю вызов свой
 Фонтану, гулкой мостовой,
 бредущей вслед за мной собаке
 И фонарю в стеклянном фраке,
 плывущему над головой.

* * *

О том, что в мир вернется красота,
Отец и мать твердили мне с пелёнок.
А мне в лицо смеется мой ребёнок
Морщинками у старческого рта.

Как горько, что ему смешны слова,
О гордости былой великороссов!..
Я сеял мысли — вырос лес вопросов,
И дальше — больше. Кру́гом голова...

А он молчит и судит жизнь мою
Жестоким, молодым непониманьем
И провожает с пристальным вниманьем
Усталых птиц, стремящихся на юг.

Церковь

Засиженная вороньём,
Насквозь продутая ветрами
О нашем, а не о своём,
Скорбит глухими вечерами.

Вне времени и суеты,
Не исчерпав великой силы,
Молитвенно сложив персты,
Взывает к совести России.

Пьяная свадьба

Через край перехлестнуло
    разудалое веселье —
На селе играют свадьбы
    по дворам порой осенней,
Косы вешают под стрехи,
    и последний сноп увязан,
Бьет копытом пристяжная
    и косит недобрым глазом.

Заплетают ленты в гриву,
    бубенцы к дуге приладят,
Сельский дурень на крылечке
    рожи корчит смеха ради.
А народу всё потеха:
    будь то свадьба, будь то драка.
Под копыта подвернулась одуревшая собака.

Гонит галок с колоколен
    благовест неугомонный,
Богомолки в чёрных платах,
    как весенние вороны.
Расплели невестам косы
    и к венцу ведут, рыдая,
Солнца луч осенний, робкий,
    в грязной луже догорает.

С перепойною натугой
    обвенчает поп похмельный,
Прошагает с хлебом-солью
    меж гостей угрюмый мельник.
Пропивают чьи-то души,
    самогон мешая с пивом,
Гармонист шагает пьяно,
    да хрипит гармонь с надрывом.

И под визг гармошки пьяной
    вспоминаются обиды,
От веселья и разгула потянуло панихидой,
Злобной бранью закипают
    развесёлые застолья,
Пальцы цепкие хватают
    из плетней сырые колья.

Ты играй, играй, гармошка!
    Ты гуляй, беда лихая!
Расчестной народ на свадьбах
    до утра не утихает.
Кто-то греет нож в ладони,
    кровь в глазах горит пожаром...
Ой, кого-то похоронят на погосте за амбаром!

Игра

Есть потребность в игре у детей,
есть потребность в игре и у взрослых.
Пусть игра — имитация действий
с настоящей гармонией чувств.

В жизни я — никудашный игрок,
и в игре моей столько вопросов,
Что на них имитацией жизни
я трусливо ответить боюсь.

Есть потребность в игре у детей.
Есть потребность в игре и у взрослых. —
Слабый к сильному льнёт, малорослый
прибивает высокий каблук.

Есть такая игра у людей:
расставлять своих ближних по росту,
Чтобы головы было удобней
проверять,
как арбузы,
на стук.

* * *

Ну, ударь же сильнее!
Ну, не медли же, осень.
Пусть пощёчиной липнет круженье листвы...
Я, в отметилах глины, скачусь по откосу
На холодные срезы сентябрьской травы.

Что в моих заклинаньях и муке кромешной,
Что в мозаике пёстрых моих голубей,
Коль в душе навсегда замолчал пересмешник,
Если скомкана песня!
Ну, что же ты?
Бей!

Юбилей

Десять лет обоюдною лжи.
Юбилей. За столом молодые.
У любви — короткая жизнь.
У привычки — виски седые.

Переключка заздравных речей.
Горько!

Горько!

Куда уж горше.
Сын единственный и ничей —
Истязатель собак и кошек.

Семипалатинск

Прощай, забытый Богом и людьми.
Ты не заметишь моего ухода.
К лицу тебе любое время года
И мой тебе поклон в последний миг.

Я ухожу, но помню о былом,
И мысленно, неслышными шагами,
Вхожу в знакомый двор, где жил долгами
И доминошно-карточным столом.

Прости мне эти горькие слова,
Что стынут застарелою бедою.
Обнимемся, как чахлая трава —
С радиоактивной талою водою.

* * *

Мой приятель —
участник гражданской войны —
Ненавидит стихи и газет не читает.
По ночам ему снятся зловещие сны.
Он приходит ко мне. За окошком светает.
Он всё время молчит и качает ногой,
Тычет вилкой в закуску скорее для виду...
Он сидит предо мной — полукровка-изгой.
Боже! Дай пережить ему эту обиду.

Ближнее зарубежье

Не ради красного словца
Я выползаю из окопа.
Со мной герои Перекопа
И тень убитого отца.

Я гражданин не той страны,
Которую навяжет всякий...
Когда я сдохну здесь — собаки
Завоют с русской стороны.

Метафора

Я давно не писал.
    Онемел до икоты.
Я во сне не летаю и петь перестал.
Закружил листопад, завертела работа,
Спеленало тепло шерстяных одеял.

Я сошёл на руках по немывтым ступеням,
И сосед, сторонясь, покрутил у виска —
У него канарейки, заплывшие ленью.
У меня от их песен — глухая тоска.

Не хочу.
    Не могу.
    И никто не заставит!
Перевернутый мир подпирает карниз...
А сосед вдруг сказал:
    «Прекратил бы ты, парень.
Ты идёшь на руках, но по-прежнему вниз».

К Пушкину

Я сюда вернусь во что бы то ни стало.
Всем делам и обстоятельствам назло
В муравейнике Казанского вокзала
Растворюсь среди баулов и узлов.

Пропущу свой скорый поезд на Анапу.
Пушкин — гений, но и он от нас устал.
Подниму с земли свалившуюся шляпу
И ромашки положу на пьедестал.

* * *

Рука не тянется к перу,
                                        перо не тянется к бумаге.
Пришел декабрь, и снег лежит,
                                        и на дорогах гололёд.
И жизнь, конечно же, — не мёд,
                                        но в печке от хорошей тяги
Гудит огонь, трещат дрова,
                                        и скоро будет Новый год.

И кто бы что ни говорил, —
                                        всем хватит места в этом мире
Или в другом, где все равны,
                                        и всем воздается по делам.
Мать затевает пирожки
                                        и ставит тесто на кефире,
Мешая белую муку с ржаной мукою пополам.

Грядут иные времена,
                                        вожди на трон ползут иные
И думы о насущном хлебе
                                        возводят во главу угла.
Мы ляжем в нашу землю здесь,
                                        мы не уйдём, мы коренные,
Но рюмку водки с коркой хлеба
                                        оставим на краю стола.

Предатель

Он опять уходил.
Затихали шаги.
Виноватую спину горбатил.
Был во всём его облике крик: «Помоги!» —
Я-то помнил — уходит предатель.

Он опять приходил и вымаливал в долг
То червонец, то каплю участия...
И опять говорил: «Если б я только мог...»
И в глазах застывало ненастье.

Разжималась со скрипом пружина в двери,
И минуты текли с водостока.
Не хотелось ни с кем ни о чём говорить —
Как без друга теперь одиноко!

Разрастался в душе ядовитый паслён,
И посыпались пьяные даты...
Только сердце моё —
свежеспиленный клён —
Не прощало:
предатель,
предатель...

23 февраля

Последняя неделя февраля,
И, вглядываясь в сумрачные лица,
Приветствую тебя, моя столица,
Шуршаньем деревянного рубля.

Сегодня ты на диво хороша.
Большому кораблю — большая свалка.
И всё бы ничего — до смерти жалко
Сожжённого в Разливе шалаша.

Художник

Он рисовал, и властно на листе
Сквозь матовую бледность проступали
Почти неуловимые детали
И образ, не подвластный суете.

Я ждал, что он прикажет: говори!
Протянет руки к спящему портрету,
Но он — не Бог, он — мастер форм и цвета.
А зеркалу тебя не повторить.

Норильск

Здесь длинные ветры
не същут ни крон, ни ветвей,
Здесь лапой когтистой
мороз расцарапает щёки.

Опять мою грусть
вездесущий склевал воробей,
И память мелеет рекой, потерявшей истоки.

Покоя не будет, а будет лишь снег да метель,
И станут руками бессонниц измятые лица,
И станет колючей пургой ослеплённый апрель
Тепло обещать
замерзающим в воздухе птицам.

* * *

Просматриваю в книжке адреса,
Вычёркиваю выбывших из круга.
Казалось, что затрачу полчаса,
Но вот уже и за полночь, а вьюга,
Что мягкой лапкой трогает окно,
Тревожит душу песней монотонной.
Склонилась память над плитой бетонной.
Скрипит резец.

А мёртвым всё равно.

* * *

Дождь под корой уснул, проснулся лёд.
Жизнь притаилась в цепких корневищах.
Студёный ветер воет, веет, свищет,
И оборвался в одночасье год.

А нам всё нипочём, и мы, как дети,
Жонглируем осколками страны.
Лишь вскрикнул нежелательный свидетель —
Закат, упавший в стужу со стены.

* * *

Николаю Переяслову

Вновь заскулила душа,
Рвётся из тела наружу.
Друг мой, в январскую стужу
Всякая мысль хороша.

Друг мой, не злись на меня.
Письма не станут стихами.
Слышишь, кричат петухами
Люди вчерашнего дня!..

Ветер ударил в стекло,
Всхлипнул в трубе водосточной.
Я постараюсь быть точным —
Много снегов намело.

Можно сказать — утекло,
Хуже того — отшумело...
Кто эта женщина в белом
Там вдалеке за углом?

Двойник

Остановлюсь, а он ещё в движении.
Прикуриваю — гневно морщит нос.
Он — суть моё кривое отраженье
С копною нерасчёсанных волос.

Его не любят все мои друзья,
И он им платит тем же, и сторицей.
Он знает то, чего не знаю я.
Он улетит, а мне не опериться.

И клонится в закат двадцатый век.
Не нужно быть поэтом, чтоб увидеть, —
Так может только русский человек:
Любить, и в то же время — ненавидеть.

Игрушечка

Ах, игрушечка,
                    игрушечка,
                                    игрушечка, —
Расписные изумрудные бока.
Заплетает незатейливое кружево
Чудо-мастера умелая рука.

Ах, Анюта,
                    твои глазки васильковые
Да коса, что чуть не в руку толщиной...
Плачет горестно гармонь над старым волоком.
Подожди.
                    Побудь немножечко со мной.

Пальцы сковывает горе окаянное,
Проползает по спине гадюкой дрожь...
Молью сточено ненужное приданое,
И залом скрутил неубранную рожь.

Ах, игрушечка,
                    игрушечка,
                                    игрушечка...
Как живая — вот сейчас заговорит.
На завалинке сидит с губой закушенной
Ждущий смерти, как спасения, старик.

Здравствуй

Из кармана табак высыпая
                                    в газетный обрывок,
Две затяжки, и пальцы прижёт огонёк...
В дверь звонок.
                                    Мальчугану соседскому рыбок
Отдаю — надоели своей болтовнёй.

В два прыжка на звонок
                                    к опостылевшей двери,
Задыхаюсь, и слышу, как пальцы дрожат...
Здравствуй. Знал, что вернёшься и верил —
Я тебя отпустил, чтобы этим тебя удержать.

У озера

Разбежались круги по уснувшей воде.
Темнота навалилась на вспыхнувший бакен.
Я читаю стихи утонувшей звезде
И лежащей у ног остромордой собаке.

Надо мной ветер трогает крону сосны.
Утром в путь.

Остаётся лишь самая малость —
Зачерпнуть котелком отраженье луны
И в рюкзак уложить тишину и усталость.

В глубинке

Опять заожидило, и сразу дороги раскисли.
Шофёр материт непролазную русскую грязь.
Томится душа, отзываясь на грустные мысли.
И время запеть,
да вот песня дождём пролилась.

Ещё невдомёк,
что спокойствия больше не будет.
Пируем тайком, но просящего гоним взащей.
В такую погоду,
наверно, стреляются люди,
Когда есть шалаш,
только жизнь не мила в шалаше.

И нет никого,
будто прокляли всё и забыли.
До места семь верст,
там свой век доживает родня.
Творил здесь поэт,
но боялись его — и убили,
Ведь он был к России,
конечно, пристрастней меня.

* * *

Эта зима будет прошлой зиме не чета,
Слишком уж прочно
метель подпирает сугробы.
Тащится пёс, и сосульки свисают с хвоста,
Смотрят с укором глаза человеческой пробы.

Пёс отскочил от протянутой мною руки —
Били, конечно,
когда доверялся прохожим...
Воет метель, беспощадно диктует стихи,
И наплевать ей, что псы и поэты похожи.

* * *

В этом мире я дорог не выбирал,
И они меня в ответ не замечали.
В детстве фантики и марки собирал
Да и в юности не ведал я печали.

А потом?

    Что было, собственно, потом?
Что-то строил,
    где-то жил,
        терзал гитару...

В результате получился — суп с котом
И ларёк, куда таскаю стеклотару.

С фотографий улыбаются друзья.
В центре я — такой наивный и в берете...
Мы тогда не задыхались от вранья
И счастливей были всех на этом свете.

Расшвыряло,
    разметало,
        размело,
Ветром выдуло из тёмных подворотен...
Жизнь прошла.

    А мы всё смотрим сквозь стекло,
Как наброски, недостойные полотен.

* * *

Придверный человек в роскошных галунах
С презрением глядит на выцветший пиджак.
Не впустит, знает гад, что я не при деньгах,
А помню, за мой счёт был выпить не дурак.

Он говорит, что мне не стоило б вообще...
И счёт ведёт иной — на смятые рубли.
И, в три цены, портвейн протягивает в щель,
А за стеной гремит:

всё могут короли...

Исповедь

1

Не приветствую звоном щита
    право жить в безутешное время!
В поединок вступить не посмевшим —
    достаются обрывки газет,
Потускнела на башне звезда,
    подросло незнакомое племя
И подошвами грязных ботинок
    растоптало Божественный Свет.

Истязаем, бичуем себя, пляшем наги
    и босы пред миром,
Позабыли, что битых прилюдно
    не пускают нигде на порог
Отмолились фальшивым богам,
    отрыдали по лживым кумирам,
Возроптали, очнулись, но поздно,
    нас не слышит разгневанный Бог.

Мне такого народа не жаль!
    И себя мне такого не жалко!
Я гордец, не умею молиться.
    Я умею лукавить и красть.

Богородица скорбно глядит,
    и свеча разгорается ярко...
Дай мне, Господи, остановиться,
    чтоб в неверьи своём не пропасть!

2

Я поэт городской,
    вряд ли есть мои корни в деревне.
Электронный будильник
    вполне заменил петуха.
Рядом строится дом,
    трактора пожирают деревья.
Я сижу за столом
    и плету паутинку стиха.

Город мой, словно мать,
    он взрастил меня в каменном чреве,
Он меня прокормил
    и сберег для меня теплоту.
Почему так тревожно
    кричит на истерзанном древе
Полуночная птица, и гарью несет за версту?..

Что-то сердце щемит,
    предынфарктное выдалось лето.
Из открытого крана
    со ржавью, но всё же вода...
И подумалось мне,
    что рожденных в деревне поэтов
Посылает Россия на верную смерть в города.

* * *

Татуировки выжигали,
Надеясь прошлое забыть.
Никто не гнался — убегали,
И помощь гордо отвергали,
Решая, быть или не быть.

Иных уж нет, а те — далече.
Наймиты произносят речи.
Я им не верю, хоть убей.
Живу и жизни не перечу,
Как под стрехою воробей.

Лишь на дурацкие вопросы
Я отвечаю невпопад.
Жую мундштук от папиросы,
Дочурке заплетаю косы...
А шрамы по ночам болят.

* * *

Жена мне говорит, что будет сын, —
Природе наплевать на лихолетье.
И я уже в ином тысячелетии
С ним разделю последние часы.

Иду сквозь грай и гомон воронья
И слепну при огранке слов от блеска...
Удар волны о брег — достоин всплеска,
И в этом всплеске продолжаюсь я.

* * *

Раскаянье приходит по ночам.
Не пересдать проваленный экзамен.
И я лежу с открытыми глазами,
Молчу — в ночи не принято кричать.

В глазах жены — не отблеск давних слез —
Покой и ледяное безразличье.
Я помню всё: асфальт и шум столичный,
И запах солнцем тронутых волос.

Безумие! Накрой меня плащом,
Возьми и кровь по капле, без остатка,
И, может быть, не будет мне так гадко
За жизнь цепляться сохнувшим плющом.

Выбор

В песок уходила вода,
Ползла саранча по округе.
Народ покидал города
И друг разуверился в друге.

А нечисть ползла и ползла,
Душа цепенела от страха...
И вот — ни кола, ни двора,
И русские верят в Аллаха...

Откуда свалилась беда?
Кого ожидать на подмогу?
Пока догорала звезда,
Господь указал мне дорогу.

* * *

Вспоминает зола,
как смолистые тлели поленья,
Между пальцев течёт, остывая,
пылит на ветру...
Я ведь тоже зола —
след ушедших с земли поколений.
А недавно казалось,
что я никогда не умру.

А вчера еще думалось:
стоит к цветку прикоснуться,
Притянуть к себе ветку
с дрожащим от зноя листом —
И взлечу, и смогу
до высокой звезды дотянуться.
Но зола всё течёт
между пальцев в пространстве пустом.

А её всё несёт,
а она всё ложится на лица,
На усталые души
и наши немые сердца...
Пепелище мое!
Дай же силы мне снова родиться,
Сохрани и спаси.
Я пойду за тебя до конца.

* * *

Родиной пахнет ковыль.
Степь без конца и без края.
Падают звезды, сгорая,
В карагандинскую пыль.

В русле убитой реки
Вольно петляет дорога.
Верим в Аллаха и Бога,
Да в головах сквозняки.

Поздно, уже не спасти,
Степь утопает в закате...
Я задохнусь в каганате,
Я уезжаю.

Прости.

* * *

Хата моя не с краю,
Лесть не застит глаза.
В храме я прозреваю,
Глядя на образа.

Дьявольский смысл обретает
Непротивления грех:
Жизни на всех не хватает,
Смерти хватает на всех.

* * *

Гонимые людьми, с земли уходят люди,
Но кто-нибудь один, не помнящий родства,
Ценою жизни всем поведаёт о чуде,
И в честь него в садах зашелестит листва.

И мне бы так —
успеть до мира докричаться,
А там пускай плюют
на мой остывший след..
Но будет тень моя сутулая стучаться
В ворота ваших бед.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (1999–2004)

Рогине

Не то чтобы нас пригласили —
Скорее наоборот.
Но мы приезжаем в Россию
Из всех суверенных широт.

Нам стало вдали одиноко,
И сделалась участь горька.
И с Запада, и с Востока
Течёт человечья река.

Над мыслями нашими властвуй,
Пришли мы к тебе налегке...
Как сладко сказать тебе:

Здравствуй! —
На русском своём языке.

* * *

Снятся мне по ночам человекособаки,
Что меня убивали у всех на глазах.
Снятся мне по ночам исык-кульские маки,
Прибалхашские степи да старый казах.
Он не выдал безумной толпе иноверца
И не смог при прощании вздоха сдержать...
Просыпаюсь от боли, сжигающей сердце,
Словно нужно опять в никуда уезжать.

Разорвали империю в клочья границы.
Разжирели каганы на скорби людской.
Там, где царствует ворон — зловещая птица,
Золотистые дыни сочатся тоской.
Южный ветер хохочет в трубе водосточной,
По-разбойничьи свищет и рвет провода...
Все назойливей запахи кухни восточной,
Но немногие знают, как пахнет беда.

* * *

Коль написано на роду
В Петербурге мне быть поэтом,
Не воспользуюсь я советом:
«Да пошёл ты в Караганду!»

Жил я бражно, копал руду,
Но не предал души российской,
И не продался за сосиски
В перестроечную страду.

С бабой русской живу в ладу,
Народились дети и внуки.
Я бы вырвал по плечи руки
Тем, кто сбросил с Кремля звезду!

* * *

Брат и отец в казахстанской земле.
Я же топчу в Петербурге траву.
Сколько ещё мне отпущено лет,
Чтобы сквозь смог разглядеть синеву?

Мне не отказано в праве — дышать
И засыпать, чтобы утром проснуться,
Слышать, как в каждой травинке душа
Нервно трепещет, и к ней прикоснуться,

И удержать путеводную нить
В хаосе слов, наводняющих разум...
И никого и ни в чём не винить,
Если *не так*,
    и не всё,
        и не сразу.

* * *

Всё никак не привыкну к лесам и болотам.
Не хватает простора глазам степняка.
Здесь поют соловьи по невидимым нотам.
Здесь в Балтийское море впадает река.

Я завидую тем, кто родился у моря.
У людей в Петербурге особая статья.
Я стою на мосту в одиночном дозоре
И учусь по слогам этот город читать.

Свирепеет зюйд-вест, и вода прибывает,
Застонали деревья в окрестных лесах...
Я представить не мог, что такое бывает:
Город в море выходит на всех парусах!

* * *

Обшарпанный футляр, а в нём — аккордеон.
Потертые меха и клавиши живые...
У дома две сосны стоят, как часовые,
А прежде здесь стоял сосновый батальон.

Держу аккордеон, как дочку на руках.
Меня учил играть отец в белой хате...
Отец мог умереть от раны в медсанбате,
Но выжил, чтоб сейчас остаться в дураках.

Какое дело мне до медленножующих
И прочих власть имущих,
                        обласканных судьбой,
Играй, аккордеон, для непосильнопьющих!
И пусть они поют, как мы поём с тобой.

* * *

Бросил в урну и ложку, и кружку,
И когда это не помогло,
На чердак зашвырнул я подушку,
Что твоё сохранила тепло.

Не ударился в глупую пьянку,
Не рыдал в тусклом свете луны, —
А принёс из подвала стремянку,
Чтобы снять твою тень со стены...

* * *

Империя не может умереть!
Я знаю, что душа не умирает...
Империя — от края и до края —
Живёт и усечённая на треть.

Оплаканы и воля, и покой,
И счастье непокорного народа.
Моя печаль — совсем иного рода,
Она созвучна с пушкинской строкой.

Пусть звякнет цепь,
        пусть снова свистнет плеть
Над теми, кто противится природе...
Имперский дух неистребим в народе,
Империя не может умереть!

Ветеран

1

Он был болен и знал, что умрёт.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал: «Так нельзя про народ.
В писанине такой мало толку».

Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах для иконы.

«Замолчи! — оборвал он. — Шпана!
Что ты смыслишь! Поэзия — это...»
И закашлялся. И тишина...
И оставил меня без ответа.

2

С ним можно было запросто молчать.
Он никогда не задавал вопросы,
Когда я рвал рубаху сгоряча,
Роняя на пол пепел папиросы.

Он не писал ни песен, ни стихов.
С ним жили шавки: Руфь и Недотрога.
За ним совсем не числилось грехов.
Он говорил, что почитает Бога.

Он вытащил меня из пьяной драки
И в спину подтолкнул: «Беги, убьют...»
Он умер тихо, но его собаки
Заснуть всему кварталу не дают.

* * *

Дочитал журналы — ну и ладно.
Потеплело — тоже хорошо.
Жить на белом свете не накладно,
Если тело заодно с душой.

Я не занимаю чью-то нишу
И словами праздно не сорю.
Если упадёт звезда на крышу,
Задушевно с ней поговорю.

Кот-философ щурится на пламя,
Кутаясь в каминное тепло...
«Новый мир» сгорел, пылает «Знамя»,
А «Роман-журналу» повезло...

Письмо

Здравствуй, мною обиженный друг.
Разошлись наши стёжки-дорожки.
Забирай себе звёзды в окошке,
Забирай себе солнечный круг!
Забирай селевые потоки
И веселье, что бьёт через край,
Забирай покаянные строки...
Если жив, целый мир забирай!

* * *

Дождь на Неву опустился с утра.
Пушка ударила в небо.
Дремлет страна, а в кармане — дыра,
Значит, не будет хлеба.

Не удалось ничего накопить
Выходцам из барака...
Смирно «АВРОРА» сидит на цепи,
Словно больная собака.

* * *

Пения ангелов мы не услышим
И громогласно не грянем ура.
Мы пропищим, как церковные мыши,
И дезертируем — во вчера.

Плач о гибели — просто умора.
Где уж нам смерть принимать на миру.
Ждём своего приговора
На сатанинском пиру.

Господи! Предки-то были какие!
Песни о них распевают ветра!
Град на Днестре — под десницею Кия!
Град на Неве — под десницей Петра!

Ладога

Заревые июньские росы
В малахитовой пряной траве
И осокой заросшие плёсы,
И предутренный ветер в листве,

Колокольчики, незабудки
И ромашковые поля,
Серпокрылые дикие утки
И в пуховых платках тополя,

Колокольный стон Китежа-града
Над подернутой рябью водой...
Ах ты, Ладога!

Ах ты, Лада!
Ты прекрасна,
И я — молодой!

* * *

Полякам спать не даст Катень.
Еврейам — память холокоста.
И русским, взгляд куда ни кинь,
Латиница — сиречь латынь —
Торит дорогу до погоста.

Мне говорят: «Смирись, поэт»,
Точнее: «Эк тебя заносит...»
Я огрызаюсь им в ответ:
Мол, до молвы мне дела нет...
А за окном такая осень!

А за окном такая жизнь,
Что впору изойти стихами!
А по-иному всё сложись,
Тогда хоть под трамвай ложись,
Себя узнав в грядущем Хаме.

Август

Ветер нынче строптив, хамоват и развязен,
Вот и верь после этого календаря.
Я к нему паутинкой-строкою привязан,
Потому и стихами сейчас говорю.

Ветер ходит, где хочет,
живёт, где придётся:
То стрелой пролетит, то совьётся в кольцо.
Окликаю его — он в ответ мне смеётся
И кленовые листья бросает в лицо.

Он стучит мне в окно
без пятнадцати восемь,
Словно нет у него поважнее забот.
Он несёт на руках кареглазую осень
И листву превращает в ковёр-самолет.

Он целует её, называет своею,
И ему аплодируют створки ворот...
Я стою на крыльце
и, как школьник, робею,
И сказать не умею, и зависть берет.

* * *

Я шёл на отчий зов зимой и летом,
При свете дня, и в полной темноте,
И воздух пьяный пил перед рассветом...
Сегодня я почти забыл об этом,
Но строчки проступили на листе.

И ворон стал черней и горше хлеб,
И в зеркалах кривлялись отраженья.
И вспомнилось, как те, кто глух и слеп,
Кричали мне о том, что я нелеп,
И предрекали смерть и поражение.

Пока строка от ярости звенит,
Бесчестьем не станет и позором
На лбу пятно родимое — пиит:
Взыскующего небо сохранит,
А равнодушный наречется вором.

* * *

В январе вечерами темно и беззвёдно.
Ветер с крыши срывает слежавшийся снег.
И в окошко стучит: то негромко, то грозно.
Мне забиться бы в норку, но аз — человек.

Износились мои меховые ботинки,
Но по-русски раздольно, морозу назло,
Будет петь мне Русланова
с древней пластинки,
И от песни про валенки станет тепло.

И сдержать не смогу подступающих слёз,
Что приносят прозрение и очищенье.
Скоро вспыхнет звезда, и родится Христос —
Остальное уже не имеет значенья.

* * *

Без претензий на некие откровенья,
И надрывом цыганским строку не губя,
Выхожу из лирического стихотворенья,
Возвращаюсь в себя.

Собираю слова на лугу и в болоте,
Где комариком рифма звенит у виска.
Я себя узнаю в изнаывающей ноте,
Что высвистывать может свирель тростника.

Окунаю лицо в непрямые травы,
И они для меня шелестят на ветру.
Я случайно узнал, что танцуют купавы,
Выходя из тумана к ночному костру.

Надо мной облака в бирюзе и багрянце,
Что, как овцы, бредут неизвестно куда.
Потускнел огонёк, обжигающий пальцы.
Закричал пароходик. Вздохла вода.

Блок

Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!
Александр Блок

Он сидит за столом,
    одиночество топит в стакане.
Тонким углом ночник очертил
    силуэт на стене.
За окном тает снег
    и, как бинт, прилипающий к ране,
Постепенно чернеет...
    Стоит в летаргическом сне
У дороги аптека.
    Рождает беспольные тени
Одинокий фонарь.
    В ресторанах пропойцы кричат.
Диск на небе кривится.
    Вздыхают в парадном ступени.
Незнакомка уходит...
    Проклятые книги молчат.

* * *

Закончился год, закончился век.
Не пишется мне, не поётся.
Свинцово блестит свежесвыпавший снег
В лучах заходящего солнца.

Неоновый свет, предваряющий тьму,
Мерцает в чахоточной луже.
С опаской снаружи гляжу на тюрьму,
Я страхом отцовским контужен.

И мечется в теле живая душа,
И выхода не находит —
Наёмный стрелок, внук того латыша,
Он здесь, он по Питеру ходит...

* * *

На Ладого поздняя осень.
Вода, словно жизнь, тяжела.
Холодные ветры уносят
Листву и остатки тепла.

От холода ломит запястья,
Прилипла к лицу чешуя...
А ты говорила, что счастье —
Мужская работа моя.

* * *

В квартире моей абажур с бахромой
И пепла табачного проседь.
От строчки до строчки иду по прямой —
Меня почему-то заносит...

Нева извивается белой тесьмой,
На Стрелке — торос на торосе.
Домой возвращаюсь всегда по прямой —
Меня почему-то заносит...

Скрипит на ветру одинокая ель
И гнётся, и помощи просит.
Заносит меня в Петербурге метель,
Заносит,
        заносит,
                заносит...

* * *

Отступили дожди, навалились снега.
Город стреляной птицей притих на болоте.
Ах, как хочется нынче пуститься в бега
На машине, на поезде, на самолете!

Шалый ветер-дворяня обшарил квартал,
Треплет полы пальто и хватает за руки.
Я стихи о любви киоскёрше отдал,
Чтоб зевала в метро, изнывая от скуки.

Ветер пьяную девку целует взасос.
Утонула в заливе луна, как монета...
Город Гамлет!

        Ты задал простейший вопрос,
На который никто не придумал ответа.

* * *

Умываем наспех руки,
Что отвыкли от сохи.
Не возьмёт нас на поруки
Матерь Божья за грехи.

Обживают подворотни
Вездесущие бомжи.
Опасаясь чёрной сотни,
Входит в город Вечный Жид.

Глупый пёс к нему метнулся,
Да не может укусить...
В три погибели согнулся
Петербург Всея Руси.

Выстрел снег обрушил с крыши.
Кровь собачья, что вода.
Кабы целились повыше,
Отпугнули бы Жида.

* * *

Сюжетные повторы надоели,
Пустые опротивели слова...
Но закричал младенец в колыбели,
И в этом повтореньи жизнь права.

Кричи, мой внук, кричи, моя кровинка!
Ещё головку держишь ты с трудом,
И любишь свет, как во поле травинка,
И для тебя Россия — отчий дом.

* * *

Когда богатством были три рубля,
Я жил в краю с ковыльными морями.
Мальчишкой залезал на тополя
И видел я не парус корабля,
А вышки над степными лагерями.

Я взрослым стал. Я вижу корабли,
Изъеденные ржавью у причала.
Отнюдь не притяжение земли —
Сковали флот уплывшие рубли
И нет Петра, чтоб все начать сначала.

Слова, слова... Какой в них нынче прок?!
И все-таки возьму перо, бумагу...
Я напишу всего лишь пару строк,
Вложу их в перекрестье двух дорог
И честь отдам Андреевскому флагу!

Восточный мотив

Ты жил в тепле с красивою женой.
Я выживал наперекор судьбе.
Ты много лет смеялся надо мной,
А я был рад, что весело тебе.

Ты разучился отдавать долги.
Я научился терпеливо ждать.
Ты бросил дом, когда пришли враги,
А я тебе отдал свою кровать.

Ты ненавистью метишь путь земной.
Я всё тебе простил, и мне легко.
Ты зря топор заносишь надо мной —
Я тень твоя, а солнце высоко...

* * *

Меня спросили: «Кем ты был?»
Я не ответил — я забыл.
Меня спросили: «Кем ты стал?»
Я не ответил — я устал.
Меня спросили: «Чем ты жил,
Какому Богу ты служил,
Какого сына воспитал,
О чём несбыточном мечтал?..»

Жена в глаза взглянула мне:
«Как страшно ты стонал во сне».

Десантник

1

Хватит болтать о правах человека
И тоску нагонять!
Я встаю за ребенка-калеку
И заложницу-мать.

С марша в бой. Поредела рота.
Не повернула вспять.
Если сегодня война — работа,
Я иду убивать!

Больше России не быть в униженьи,
Я соберу долги.
Здесь мой последний рубеж и сраженье.
Господи, помоги!

2

Выглянул месяц, как тать из тумана,
Ножиком чиркнул — упала звезда
Прямо в окоп...

Сапоги капитана
Взрывом забросило на провода.

Через минуту поодадь рвануло.
Замельтешили вокруг светлячки...
Встать не могу — автоматное дуло
Прямо из вечности смотрит в зрачки.

Овчарка

Кавказской овчарке
не снятся Кавказские горы.
Ей снится пренаглый
соседский ободранный кот,
Который приходит незванно,
как беды и воры,
Глазами сверкает и гнусно при этом орёт.

Собака встаёт, потянувшись,
плетётся к забору,
Отрывисто лает на юрких чернявых детей,
Затем приглашает несносных ворон
к разговору
На тему пропажи
оставленных в миске костей.

Устало вздыхает, вполглаза глядит на дорогу,
На серый бурьян,
что дорос до некрашенных рам.
Подходит хозяин, хромяя на правую ногу,
И гладит собаку по шерсти,
скрывающей шрам.

* * *

Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа.
Руби руду! Баланду съешь потом...
Мой дед с кайлом в обнимку — доходяга.
А я родился... в пятьдесят шестом.

Война. Концлагерь. На краю оврага
Эсэсовец орудует хлыстом...
Отец с кайлом в обнимку — доходяга.
А я родился... в пятьдесят шестом.

Орел двуглавый. Гимн. Трёхцветье флага.
С нательным в новый век вхожу крестом.
Бескровно под пером скрипит бумага,
Ведь я родился... в пятьдесят шестом.

* * *

О России кричать не стану
В сатанинские времена.
Я отцу поклонюсь — Ивану,
Что не ждал выходных, как манну,
И по будням не пил вина.

О России кричать не стану —
В ноги матери поклонюсь
И в грядущее смело гляну:
Закручинилась по тирану
Полонянка — святая Русь.

О России кричать не стану,
Потому что на мне вина
В том, что совесть — ровня карману,
В том, что нынче плюют на рану,
В том, что рана — наша страна.

Марине

1

Туда, где красные цветы.
Туда, где добрый — значит сильный.
Давай сбежим от суеты,
Давай оставим этот пыльный
Усталый город на Неве...
И там, в некошенной траве,
Совьём гнездо, как перепелки,
И утром хвойные иголки
В твоих прекрасных волосах
Я поцелую... есть в лесах
Поляны, где гуляет ветер
И все мелодии на свете
Искрятся в птичьих голосах.

2

Ничего я тебе не скажу.
Я тобой безнадежно болею.
Я желаю тебя и жалею
И твой дом по ночам сторожу.
Чиркну спичкой — и станет светло,
И в оконном стекле отраженье
Передразнит любое движение,
И рука превратится в крыло...

Переозвучивание

1

Меня пригвоздил ненавидящий взгляд.
Я взял её руку, отпрянул назад.

Я с девушкой этой совсем не знаком.
Откуда она в моей комнате, в ком...?

Зачем она встала в проеме окна?
Ей помощь людская уже не нужна...

2

На мокрый асфальт из окна
Обрывком распластанной тени
Обрушилась тишина
И ветка цветущей сирени.
Приехавший врач простыню
Набросил на смятое тело,
В сердцах помянул всю родню...
Заплакать бы,
да надоело.

3

Пью по капле — куда торопиться? —
Жизнь, настоенную на зле.
Город сжался за стенками шприца
И кораблик сидит на игле...

* * *

Святый Боже, дозвожь говорить
о Любви, что сияет над миром,
Укроти мой расхристанный разум
и мою ненасытную плоть.
Остуди меня, чтоб я не мог,
уподобясь шутам и сатирам,
Величайшею милостью — Словом —
пренебречь и пустое молоть.

Ниспошли мне в назначенный час,
когда тянется к солнцу травинка,
Когда мысль, запряжённая рифмой,
превращается в росчерк пера,
Пониманье того, что во мне
всё Твое, даже эта кровинка,
Что из вены моей вытекает
за пятнадцать минут до утра.

Мне сегодня чернил не достать
и от радости мне не заплакать,
И стихи не дописывать кровью,
потому что чернил не нашлось...
Святый Боже, прими по счетам,
а не то — невиновный заплатит
За унынье, гордыню, и леность,
и мою неуёмную злость.

* * *

Третий день чёрный кот намывает гостей
И в истоме глаза закрывает...
Ниоткуда не жду я хороших вестей,
И гостей у меня не бывает.

Барабанят по лужам и крышам дожди.
В водостоках то всхлипы, то стоны,
Кот мурлыкает мне: «Подожди, подожди...»
Оплывает свеча у иконы.

Месяц в небе висит, словно в ухе серьга.
Чья-то тень замерла на пороге.
Возлюблю, коль послал мне Всевышний,
врага
Или друга с большой дороги.

* * *

Немолочная вздыбилась речка,
На стремнине вскипает шуга.
Круто солены снежною сечкой
Некисельные берега.

Ни огня не отыщешь, ни брода
В обезлюдевших этих краях.
Рвется ввысь — в глубину небосвода —
Недопетая песня моя.

Рвется вширь — далеко и красиво —
За леса, за болотины, за...
А за песней и к небу России
Кто-нибудь да поднимет глаза.

* * *

Мироточат иконы.
Кровоточат слова.
Колокольные звоны
Над тобою, Москва.

Я устал торопиться
И перечить судьбе —
Окольцованной птицей
Возвращаюсь к тебе.

Постою у порога,
Где толпится народ.
...Кольцевая дорога
Никуда не ведёт.

* * *

О, как ты был прав,
поджигатель Москвы безымянный —
Крещение огнем
православному любо принять,
Коль скоро восстал
и воссел Святополк Окаянный
На княжий престол,
иже с ним — вороватая чадь.

Минули века, и окрепли бесовские пути:
Опричников — тьма,
а уж эти умеют стеречь...
Все ярче горят над Москвою сегодня салюты.
Все громче слышна
на Москве чужеродная речь.

Гуляй, Вавилон!
Разбазаривай грады и веси!
Гони русский дух и поэта гони аки пса,
Но помни о том,
что бесстрастно грехи твои взвесит
Всесильный Творец, и падут на тебя небеса.

О, как ты был прав,
поджигатель Москвы неизвестный.
Вернись сквозь века
и сверши, что тебе суждено.
А люди придут,
осеняясь знамением крестным,
И стены поднимут, и в пепел уронят зерно.

* * *

Юность в отчет краю бесшабашной была
(Я ведь родом из каторжных мест).
Из казахских степей, закусив удила,
Я ушёл покорять Эверест.

Я пришпоривал время, пускал его вскачь
И едва догонять успевал,
Ел подёнщины хлеб, пил вино неудач,
Протрезвившись, ещё наливал.

Жил в полярных широтах, где солнцу в зенит
Не даёт подниматься мороз.
Летом слушал, как гнус в лесотундре звенит,
И от боли смеялся до слёз.

Я бы мог там безбедно прожить много лет,
Руки греть у чужого огня,
Научившись закат принимать за рассвет,
И никто не стрелял бы в меня...

* * *

Я не страдаю от режима
И не меняю баш на баш.
Пишу без всякого нажима:
Я экономлю карандаш.

Меня не били смертным боем
За дилетантские стихи.
Меня водили под конвоем
За настоящие грехи.

Степное

1

Проскакал по степи
чёрный всадник на красном коне,
И ворвался огонь в белоснежные юрты аула,
И никто не ушел,
и расплавилось солнце в огне,
И крылатая смерть
на корявых ветвях саксаула
Терпеливо ждала, пока дети угаснут от ран,
И пришли корсаки,
чтоб обглаживать лица и ноги,
И не слышал Аллах
материнского вопля: Аман!
И стоял безответным вопросом
сурок у дороги,
И луна не взошла,
и ушёл конармейцев отряд,
И вернулись в аул,
подвывая от страха, собаки...
Не ходи к роднику —
не вода в нем, а памяти яд,
И не трогай руками росую омытые маки.

2

Не гляди, не гляди сквозь огонь
В темноту, что стоит, как стена,
И волчицу-невесту не тронь —
Не твоя она будет жена.
Не тебе она сына родит,
Не тебя приласкает в ночи —
Вырвут сердце твоё из груди
Люди-волки, а степь промолчит.

* * *

Кому-то изредка везет.
Кого-то пучит от везения.
А у меня — наоборот:
Все буднично до омерзения.

Собака скачет по двору.
За ней вприпрыжку дети-школьники,
Собака любит конуру,
Ребята — крестики и нолики.

Кормлю двух кошек, двух котов,
Во двор соседями подброшенных.
Как предки, не считаю ртов
И не гоню гостей непрошенных.

Совсем седую стала мать.
Зато есть правнуки и внуки.
Ей доброты не занимать,
У ней натруженные руки.

Вокруг Гоморра и Содом —
Сегодня многим это нравится,
А у меня — жена и дом.
Жена, как в юности, — красавица.

А за окошком тополя,
За тополями церковь высится.
Отторгнет русская земля
Того, кто воровством возвысится.

Стою, гляжу на купола —
Над ними в небо дверь открытая...
Удача рядышком прошла.
Не укусила — сволочь сытая.

* * *

Скоро утро. Тоска ножевая.
В подворотни загнав тишину,
На пустой остановке трамвая
Сука песню поёт про луну.

Вдохновенно поёт, с переливом,
Замечательно сука поёт.
Никогда шансонеткам сопливым
До таких не подняться высот.

Этот вой, ни на что не похожий,
Этот гимн одинокой луне
Пробегает волною по коже,
Прилипает рубашкой к спине.

Пой, бездомная, пой, горевая,
Под берёзой пой, под сосной,
На пустой остановке трамвая,
Где любовь разминулась со мной.

Лунный свет я за пазуху прячу,
Чтоб его не спалила заря.
Плачет сука, и я с нею плачу,
Ненавидя и благодаря.

* * *

Не начавшись, закончилось лето.
Льют дожди день и ночь напролёт.
Чуть заметной полоской рассвета
Обозначен вдали небосвод.

Не июнь, а какая-то мука!
Я готов согласиться на снег...
Приплывала знакомая сука —
Голубейших кровей человек!

Ротик пухленький, злые ресницы,
Из глазёнок вода в три ручья —
Не пустили её за границу:
В фирму «Ной и его сыновья».

* * *

Я задыхаюсь и хриплю,
Мне в мире этом стало душно —
Настало время равнодушных
И поклонившихся рублю.

Я всепрощения стыжусь
И отвергаю лязг затвора —
За то и выгнали из хора,
Что в подголоски не гожусь.

Давно дилемму быть — не быть,
В метро решила побирушка.
Поёт и плачет: где же кружка?
Ведь не с лица же водку пить.

* * *

Ненасытная печь за поленом глотает полено.
На исходе апрель,
а в тайге ещё снега по грудь.
Скоро лед в океан унесёт непокорная Лена,
И жарки расцветут,
и не даст птичий гомон уснуть.

Где-то там далеко облака собираются в стаи.
Где-то там далеко
людям снятся красивые сны.
А у нас ещё ветер
хрустальные льдинки считает
На озябших деревьях, и так далеко до весны.

Тишину потревожил
испуганный рокот мотора.
Не иначе сосед мой —
рисковый, бывалый мужик,
До того одурел от безделья и бабьего вздора,
Что по рыхлому льду
через реку махнул напрямик.

И опять тишина.
На сей раз проскочил-таки, леший.
От души отлегло.
Я бы так ни за что не сумел.

В эту пору на лед
не ступают ни конный, ни пеший,
А ему хоть бы хны.
Он всегда делал то, что хотел.

И за то пострадал,
и срока отбывал на Таймыре,
И на выселках жил
от верховьев до Карских ворот,
Пил еловый отвар, кулаком плющил морды,
как гирей,
И выхаркивал лёгкие
сквозь окровавленный рот.

Он глядел на меня,
усмехаясь, в минуты застоля
И на третьем стакане
меня зачислял в слабаки,
А глаза изнутри
наполнялись любовью и болью —
Так на небо глядят
пережившие жизнь старики.

Поэты

По привычке кусаем ближних —
Неуживчивый мы народ.
Ради мнимых успехов книжных,
Затыкаем друг другу рот.

Наши мысли о дне вчерашнем,
Как прокисшее молоко.
Бедным трудно.

                                Богатым страшно.
А кому на Руси легко?

* * *

На писательском фронте без перемен:
Плюнуть некуда — гении сплошь да пророки.
Не скажу, что ведут натуральный обмен, —
Просто тупо воруют бездарные строки.

На писательском фронте без перемен:
Кто-то пьёт, как свинья, в круговой обороне,
Доживая свой век с вологодской Кармен,
Кто-то лютых друзей в Комарове хоронит.

На писательском фронте без перемен:
Кто-то ходит с пером в штыковую атаку,
Чтобы сдать в итоге в почётнейший плен
И с друзьями затеять газетную драку.

На писательском фронте без перемен:
Пересуды, раздоры, суды и пирушки —
Среднерусская редька не слаще, чем хрен...
Выпьем с горя, содвинем заздравные кружки!

На писательском фронте без перемен...

* * *

Заплачь по мне, как плачут дети,
Кричи несвязные слова!
Среди вселенской круговерти
Не пощадит меня молва.

Заплачь по мне по-бабьи просто,
Как плачут в русских деревнях,
Как плачут, возвратясь с погоста,
Как плачут ивы у плетня.

Заплачь, пока душа живая
Не обрела покой и высь.
Была ведь строчка ножевая...
Заплачь, а лучше — помолись.

Колыбельная для Марины

1

Младенец рождается.
Гаснет старик.
Пространство проносится мимо.
Любимая, спи...
Мне понятен язык
Полночной звезды-пилигрима.

Я вижу рождение зла и добра
В лучах отражённого света.
Я знаю, как чёрная смотрит дыра
Из табельного пистолета.

Я выстужу душу на звездном ветру,
Луну расколю, словно блюдец...
Я нынешней ночью счастливым умру —
Мне страшно несчастным проснуться.

2

Спи, родная, любимая...
Я просыпаюсь.
Чтобы слушать, как ты тихо дышишь во сне.
Я гляжу на тебя и всегда удивляюсь,
Что не гредишься ты, богоданная, мне.

Мы с тобой, дорогая, счастливые люди —
Нам досталось сполна и воды, и огня.
Мы слились воедино — я знал, что так будет.
Если я оступлюсь, ты поддержишь меня.

И когда в небеса позовет нас дорога...
Не хотел говорить, но сегодня скажу:
Если первым уйду — проводи до порога.
Если первой уйдёшь — я тебя провожу.

* * *

Переполнилось сердце весною —
Тук да тук молоточком в висок.
Я Америку вам не открою:
Русью пахнет берёзовый сок!

Чтобы присказка сделалась сказкой,
У которой не будет конца, —
Я на солнце веселою краской
Нарисую глаза в пол-лица.

Я сегодня — счастливый прохожий —
Рубль могу обменять на пятак,
Посмеявшись над байкой расхожей,
Что Иван — непременно дурак.

* * *

Лизал смолистые поленья
Язык веселого огня.
Руками обхватив колени,
Она глядела на меня.

Дышало полной грудью лето.
Сплетались тени на земле.
И мотыльком любовь поэта
Пылила крыльями в золе.

* * *

Из небесной реки пьют небесные кони
И копытами бьют...

Звезды сыплются вниз.
Открываю окно, окунаю ладони
В тёмно-синюю ночь и встаю на карниз.

Ветер бьёт меня в грудь и лицо моё студит,
Он помиловать может, а может казнить...
Если я упаду, ничего мне не будет, —
Между небом и мной — неразрывная нить.

* * *

Я всё равно паду на той
На той единственной
гражданской...
Булат Окуджава

Недоброе дело, ведя молодых за собой,
Налево глядеть,
а затем, с полдороги, направо...
Ах, крутится, вертится, падает шар голубой!
Займи мне местечко в аду,
мой герой — Окуджава.

Ты принял свободу —
как пёс от хозяина кость.
Идущий на Запад теряет лицо на Востоке...
С тех пор разъедает мне душу обида и злость.
Осудят меня лишь за то,
что пишу эти строки.

Над Питером чайки,
норд-вест гонит воду в Неву,
Грядет наводнение,
и сфинксы мне дышат в затылок...
И радостно мне, что не держит меня на плаву
Спасательный круг
из пустых поминальных бутылок.

* * *

Поэту Льву Котюкову

Не пуля из пистолета,
Не водка, не ночи без сна —
Стихи убивают поэта,
Точней, выпивают до дна.

Сочтёмся посмертно славой
В разрушенной нами стране...
Поэзия стала кровавой,
Отравой...
Но это по мне!

* * *

Опустилась на кончик пера
Паутинка ушедшего лета.
Никогда столько синего цвета
В небесах я не видел с утра.

Моя вера светла и легка.
Отрекаюсь от пошлых мистерий.
Я — смиреннейший подмастерье,
Данник русского языка.

* * *

Хотел обнять полмира —
Да руки коротки.
Я метил в командиры,
А вышел в штрафники.

Я не плету сонеты
И не хожу в строю.
Запленных дел поэты
Меня не признают.

А я всё хмурю брови
И лезу напролом —
Поэзия без крови
Зовётся ремеслом.

* * *

Когда я поселил тебя в душе
И шёл на зов любви по бездорожью,
Из губ твоих, что пахли спелой рожью,
Едва справляясь с подступавшей дрожью,
Я пил слова о рае в шалаше.

Меня не остудил словесный снег,
Что выпал неожиданно под утро,
Когда ты, как шальная Брахмапутра,
Швырнула мне две капли перламутра
И русло изменила по весне.

Я до сих пор склоняюсь над листом
И прошлое по дням перебираю,
И удивляюсь, что не умираю,
А лишь скольжу в безвременье по краю,
Любовью прикрываясь, как щитом.

* * *

Не случилось.
                  Не стал я поющей звездой.
Я всего лишь сверчок в твоём доме.
Напой меня талой водой,
Уложи меня спать на соломе.

Вспомни, как убегала из леса метель
На еловых заснеженных лапах,
Как дарил я тебе золотую форель
И жасмина неистовый запах.

Вспомни, как не плясал под чужую дуду,
Как старался в дугу не согнуться...
Не гони меня — я без тебя пропаду,
И стихи по земле разбредутся.

* * *

По чёрному — белым,
                  по красному — чёрным
Рисует мой сын. Содрогнулась душа.
За всё, что мне раньше казалось бесспорным,
Сегодня не отдал бы я ни гроша.

Усилим воли себя возвращаю
Туда, где стоял на песке босиком,
И жизнь прожитую в песок превращаю,
И рваный башмак наполняю песком...

И всё, что случилось, становится ясным:
Никто, никому, никогда и нигде...
По белому — чёрным,
                  по чёрному — красным...
Услышь мя, Идущий ко мне по воде!

* * *

Полжизни спалил.

Ошарашен итогом.

Всерьез негодую на праздных гостей.
Чернильная туча ползет осьминогом
И звезды глотает...

Измята постель,
Как мертворождённое стихотворенье.
Погода меняется — ноет плечо.
Еще две строфы и, как муха в варенье,
Увязну...

Поэзия здесь ни при чём.

Вот плюну на все и уйду без оглядки,
И жизнь, что всегда оставлял на потом,
Взахлёб стану пить, буду в чистой тетрадке
Писать очень просто об очень простом.
И брошусь с разбега в беззвёздную полночь,
Чтоб хоть на секунду приблизить рассвет.
Свисти, не смолкай, соловьиная сволочь,
Сбивай с беззащитной черёмухи цвет!

* * *

Тамань — самый скверный
городишко из всех примор-
ских городов России.

М. Ю. Лермонтов

То не волны шумят на просторе,
То не чаек базарная брань —
Из Азовского в Чёрное море
И обратно дрейфует Тамань.

Городишко и впрямь никудышный —
Русский гений как в воду глядел.
Но какие здесь вызрели вишни!
Как я их замечательно ел!

Откусил бы язык окаянный,
Нашептавший игривый стишок...
Я не знал, что Андрей Первозванный,
Здесь из греков в варяги прошёл.

* * *

Вставай, проклятем
заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Эжен Потье

Пришлые гулаговские страхи
Заглушила вражья болтовня —
Мало им застиранной рубахи,
Снятой с обалдевшего меня.

Оттеснённый к мусорному баку,
Широко открыв глаза, смотрю
На зубодробительную драку,
Что весьма полезно дикарю.

Воспылал бы гневом благородным,
Да вот понимание пришло —
Не простили небеса голодным
И рабам содеянное зло.

* * *

Стало страшно читать и писать,
К нелюбови людской прикасаться —
Потерявший желанье спасать,
Обретает желанье спастись.

Спит дочурка, спит маленький сын.
Ночь звезду за звездой зажигает.
Разжигаю стихами камин.
Мне жена помогает.

* * *

Слово было в начале.
Страшным будет конец.
Зачеркнёт одичанье
Милосердный свинец.

Я никчёмный и грубый,
И в репьях голова.
Но в бескровные губы
Я целую слова.

Не суди меня строго,
Коль тебе невдомёк:
Слово было у Бога,
И оно было — Бог.

* * *

Кучевые плывут облака,
Словно парусный флот над Россией.
Белый цвет растворяется в синем —
Голубеет на плёсах река.

Лебедь крыльями бьёт по воде.
Капли жемчугом в небо взлетают.
Васильки на лугах расцветают —
Ты таких не отыщешь нигде.

Петушок поторопит зарю,
Из кустов соловей отзовется
И услышишь, как сердце забьётся...
Приезжай — всё тебе подарю!

* * *

Стукнула калитка.
Скрипнуло крыльцо.
Тёмная накидка.
Бледное лицо.

Жаркое дыханье.
Вся она моя...
Скрыта в мирозданье
Тайна бытия.

Соловьёной ночью
Разогрею кровь.
Если будет дочка,
Назову — Любовь.

* * *

Облетел календарь отрывной.
Я зажжёт разноцветные свечи.
Ты пришла попрощаться со мной,
Отгорел ослепительный вечер.

Отстучали твои каблучки.
Кофе в чашке твоей остывает...
Ты зачем-то забыла очки —
Впрочем, с музами это бывает.

Бьют куранты. Музыка ревёт.
В дверь сосед подгулявший стучится.
Чтобы горечью с ним не делиться,
Из бокала я выплеснул год...

* * *

Над Кубанью туман,
и в росе камыши на лимане.
И налево вода, и направо большая вода.
У ночного костра мне поют казаки о Тамани.
Я мелодий таких,
да и слов не слышал никогда.

Вот и солнце встаёт...
Задохнусь от величия строчки.
Боже мой! Как всё просто,
по-русски, без глупых прикрас.
Далеко, далеко... Корабли
превращаются в точки.
И у берега чайки встречают рыбачий баркас.

Здесь безбожная власть
не скупилась на высшую меру.
Не одна здесь дорога
по белым костям пролегла.
На казачьих знамёнах
начертано было — ЗА ВЕРУ.
Только память осталась,
и лютая боль не прошла.

* * *

Отсчитаны постельные рубли.
Сошёл почти на нет плацкартный гомон,
Ущербная луна в окне вагона
Достойна кисти раннего Дали.

А в тамбуре сиреневый дымок
И огонёк безвкусной сигареты.
Бессонные колеса-кастаньеты
Разматывают памяти клубок.

Бегут высоковольтные столбы,
За поездом, кочующим по свету.
Восходит сердце к Новому Завету,
А разум ждет возмездия судьбы.

Памяти поэтов, рождённых в пятидесятых

Как хотелось нам жить!
Что ни спор — Новгородское вече!
Как ходили мы слушать
известных поэтов гуртом!
Осень тихо вошла,
положила мне руки на плечи...
Умный пёс не залаял,
вильнул виновато хвостом.

Вот еще один день
и такой же безрадостный вечер
(За такую строку
изругают в заштатном лито).
Мы толпились в дверях,
разменяли таланты на речи
Из прихожей в Поэзию
так и не вышел никто.

Петербургский вальс

Белой кистью рисует зима
Неземные свои акварели...
Звёзды ярко когда-то горели
И кого-то сводили с ума,

Белым снегом заносит дома
И колодцы дворов засыпает.
И листает, листает, листает
Календарь новогодний зима.

Охраняя огни берегов,
Зябнут вечные львы на канале.
Распахнулись балтийские дали,
И в снегах утонул Петергоф.

Мой неожиданный единственный друг,
Я давненько по свету скитаюсь,
Но тебе я сегодня признаюсь:
Я тебя полюбил, Петербург!

Я люблю твой подтаявший снег...
Заживает — и это не странно —
Не тобой нанесённая рана...
Я сегодня — живой человек.

И когда мой закончится век,
Разреши мне остаться с тобою.
Пусть кружит этот вальс, словно снег,
Над несущейся в вечность Невойю.

* * *

Расскажи мне о море,
    расскажи о балтийских штормах,
О янтарной сосне,
    догорающей в топке заката,
О кочующих дюнах на острове Сааремаа,
О любви, что, как чайка,
    свободна, легка и крылата.

Разбуди, зацелуй, уведи за собой по волнам
В неразгаданный мир,
    где туманы ложатся под ноги,
Где о чёрные скалы когда-то разбилась луна,
Где, согласно легендам,
    живут белокурые боги.

Расскажи, расскажи
    о грустинках в углах твоих губ,
Что я видел однажды,
    когда нас накрыло волною...
Надвигается шторм.
    Ветер северный весел и груб,
Обнимает тебя и хохочет всю надо мною.

Летаргия

Истаскались, истрепались,
Обесценились слова.
Мы изрядно постарались —
Жизнь сегодня такова.

После дружеской пирушки,
Застирав вино и кровь,
Спят усталые игрушки:
Вера, Надя и Любовь.

* * *

Осыпаются мысли.
Опадают слова.
Перелески раскисли.
Оплыла синева.

Осязаема нежность.
Невесом ветерок.
Очевидна небрежность
Непричёсанных строк.

Без особого шика
Разноцветный наряд
Листопад-горемыка
Износил до заплат.

Ходит поздняя осень,
Гроздь рябины в косе...
Не багряная вовсе,
А нагая совсем.

* * *

Позарастала жизнь разрыв-травой.
Мы в простоте сказать не можем слова.
Ушёл, не нарушая наш покой,
Безвестный гений, не нашедший крова.

Как в ржавых механизмах шестёренки,
Скрипят стихи — поэзия мертва...
Мы днём и ночью пишем похоронки
На без вести пропавшие слова.

* * *

...Много выпито, столько же спето,
Прозвучали дурные слова,
И уже, по закону сюжета,
Кто-то руки суёт в рукава
И уходит...

Вот так и поэта
Атмосфера нужды и вранья
Изгоняет...

Не сетуй на это —
У поэта дорога своя.

* * *

Петь не умеешь — вой.
Выть не сумел — молчи.
Не прорастай травой,
Падай звездой в ночи.
Не уходи в запой.
Не проклинай страну.
Пренебрегай толпой.
Не возноси жену.
Помни, что твой кумир —
СЛОВО, но не словцо...
И удивлённый мир
Плюнет тебе в лицо.

Законченный разговор

...Знаю, ты преуспел,
а когда-то мы были похожи:
Одинаково стриглись,
из школы сбегали тайком.
А теперь не узнать —
и штаны из каймановой кожи,
И животик пивной...
Сколько лет не ходил ты пешком?
Вижу не с Колымы...
Знать, свобода тебе по карману.
Из Парижа.
Понятно.
А где содержанка твоя?
Ничего.
Не горюй.
Припадай к голубому экрану...
У меня?
Всё, как прежде, —
стихи да большая семья.
Нет, не скучно.
Здоровье?
Сердчишко...
Врачую на грядке...
«Русских мало убить,
русских нужно еще повалить» —

Как-то молвил Суворов...
Ты прав.
Память в полном порядке.
По сто грамм?
Это можно.
За что мы с тобой будем пить?
За удачу?
Ну что ж...
Не пою приклатнённые песни.
Я Россию жалею.
А ты её рад оболгать.
Никому не нужна?!
Я тебе не поверю, хоть тресни!
Не украл, а купил?!
Замолчи, наконец, твою мать!

Мы на время ушли,
чтобы снова с победой вернуться.
Быть не может иначе —
не век же тебе жировать.
Я сквозь время гляжу,
поспешి от меня отвернуться.
Я плюю на тебя, продающего Родину-Мать!

Уличной девочке – скрипачке

Ты зачем так печально играешь
На дрожащей от стужи струне?
Ты зачем жизнь мою забираешь?
Что останется мне?

Над тобой на плакате-экране
Губернаторша с кипюю роз.
У меня два жетона в кармане —
Ну какой я к чертям Дед Мороз!

Гордо реют цвета триколора.
Город праздничным светом залит.
Я бегу, как бегут от позора,
А вослед мне скулит и скулит...

* * *

Блажен, кто по ночам не спит
И времени не замечает,
Кто сыт пустым недельным чаем,
Кто знает — ДУХ животворит...

Блажен, кто верою горит
И в этом пламени стораает,
Кто на путях земного рая
Взыскует скорбь в поводыри.

Переосмысливаю быт.
Переиначиваю строки.
Когда горланят лжепророки,
Поэт молчаньем говорит.

* * *

То орда на Руси, то варяги
И вприкуску, вприглядку житьё...
Притушилось, скользя по бумаге,
Карандашное остриё.

Не рошщу, если песенка спета,
Заплетаю расхристанный стих.
Привилегия есть у поэта:
Умереть, чтоб остаться в живых.

* * *

Частенько теперь болею,
Но радуюсь, что живой.
Берёзовая аллея
Шумит молодой листвою,

Летом в ночи белеет,
Свет не застит зимой.
По-бабьи меня жалеет
И провожает домой.

Люблю поглядеть в окошко,
Лоб прижимая к стеклу,
На осень — трёхцветную кошку,
Бегущую по стволу.

Досадую и сожалею,
Что нет золотой строки...
Берёзовая аллея —
Родные мои пеньки.

* * *

Любил я блатные словечки
И драки — квартал на квартал.
И жизнь не плясала от печки,
А волчий являла оскал.

Горячий привет космонавтам!
Такими гордится страна!
А я по заброшенным шахтам...
И было мне имя — шпана.

На сцене актёр, но не зритель:
Спектакль, продолжение, срок...
Хвала тебе, ангел-хранитель,
За то, что не уберёг,

За то, что незримая сила
Меня приковала к столу,
За то, что дружков уносила,
В ближайший пивняк на углу,

За... что мне нелепая доля:
В стихах плавить воск и металл?
Была бы на то моя воля —
Ни строчки бы не написал!

Собака

Убегает от смерти во сне не цепная собака,
Раздувает бока и когтями скребёт по ковру.
Ах, какая была
с волкодавом прекрасная драка!
Он пришёл, как хозяин,
пометить твою конуру.

Спи, надёжный мой друг,
завтра будем зализывать раны.
Я тебя не оставлю и утром налью молока.
Скоро выпадет снег,
на берёзах повиснут туманы,
И по первому льду
мы погоним с тобой облака.

Жаль, что век твой недолог, —
совсем уже морда седая.
Я прошу тебя, псина,
от смерти беги со всех ног.
Ну а если уйдёшь,
ты достойна собачьего рая, —
У меня на руках абрикосовый дремлет щенок.

* * *

Не гляди на меня.
Лучше слушай, как ходит по крыше
В новогоднюю ночь
петербургский неласковый дождь.
Если хочешь, кричи...
Я кричал, Бог меня не услышал.
Если хочешь, уйди...
Я ушёл — кабы знать, где найдешь...

Не гляди на меня.
Лучше слушай, как мокрою лапой
Закопная ель одичало скребётся в стекло.
Пересилив себя,
ты сумела назвать меня папой
И сама испугалась —
давненько мне так не везло.

Не гляди на меня.
Не играл я с тобою в пятнашки,
Не водил тебя в школу,
не ставил превыше всего.
Приходили стихи,
я раздаривал их, как ромашки,
И представить не мог,
до чего доведет мотовство...

Не гляди на меня.
    Как тебе объясню?
        Что отвечу?
Вот мой стол, вот перо,
    вот в косую линейку тетрадь...
Не такой представлял я
    с тобою случайную встречу.
Слава Богу, жива...
    Не резон мне теперь умирать.

* * *

Ладога и Онега —
За горизонт волна...
Не заскрипит телега,
Не зазвонит струна.

Ладога и Онега —
Звёзды над головой.
Возле костра у берега
Ивы шумят листвою.

Ладога и Онега —
Вера, любовь и грусть...
Снега!
    Побольше снега!
Это зовётся — Русь.

69–я параллель

Где ты, милый мой дружок,
Где вы, письма-письмена?
Забываю нервный почерк
И привычное — жена.

Двадцать две в году недели
Из далёка-далека:
Всё метели да метели
И большие облака.

Изучил метеосводки.
Ходит кошка — хвост трубой.
Грусть шипит на сковородке,
Пахнет луком и тобой.

* * *

Горе луковое!
Балда!
Ну зачем я пою свои песни?
От меня на земле, хоть тресни,
Не останется ни следа.

* * *

Предъявляю права законные
На ничтожную плату за труд.
Подо мною — земли исконные.
Надо мною — праведный суд.

Сыг по горло бездарными враками
О кончине великой страны.
Затравите меня собаками
И не будете мне должны!

* * *

Каких я друзей растерял
И женщин каких не увидел!
Семь раз каждый слог отмерял —
Отрезал, унизил, обидел...

Мне только бы мысль не спугнуть,
О главном поведать, о новом...
Сказать, а верней, полоснуть
По нервам отточенным словом.

176

Полнолуние

Лужи на мостовой,
Словно и нет зимы.
Варежкой дождевой
Зачехлены дымы.

Переполох огней,
Бронзовый всадник хмур:
Не карнавал теней —
Ночь восковых фигур!

Не разбудил звонарь
Спящие колокола.
Красный горит фонарь
У продавщиц тепла.

Тихо краснеет снег
В городе-на-крови —
Старый и новый век,
Сходятся визави.

177

* * *

Ночь у камина. Весна.
Что-то сегодня не спится.
Звёздная колесница
Мчится в проёме окна.

На пол упал уголёк
И потемнел, остывая.
Псина сторожевая
Вдруг заворчала у ног.

Тонкий ломается лёд —
Кто-то под окнами ходит.
Что-нибудь произойдёт
Или уже происходит...

* * *

Озябшие пальцы и теплые варежки сна.
Дыхание матери, кашель отца у порога.
Саманный барак, школьный двор,
а за школой дорога.
И в клубе единственный фильм:
«Если завтра война...»

Проснусь среди ночи, как в детстве,
луну отдышу
В замёрзшем окошке, и свет снизойдет
к изголовью...
У Господа я всепрощенья себе не прошу,
Я только молю, чтобы сердце
наполнил любовью.

Когда надо мной в одночасье нависнет вина
За то, что себя возомнил и судьей,
и пророком,
Я чашу раскаянья радостно выпью до дна,
Чтоб сын, повзрослев, из неё не отпил
ненароком.

* * *

Слышащий — да услышит.
Видящий — да узрит.
Пишущий — да напишет.
Глаголящий — повторит.

Всяк за своё ответит.
Каждому — свой черёд.
Слово, если не светит, —
Запечатает рот.

Пуля — она не дура,
А провиденья рука.
Да здравствует самоцензура
Русского языка!

* * *

Полыхнувший закат
до полоски алеющей сужен:
Туча — словно портьера,
а небо — оконный проём.
Ничего, ничего...
Пусть мой голос и слаб, и простужен,
Поднимая глаза, все равно говорю о своём.

Я до солнца встаю,
чтоб увидеть, как звездные ноты
Рассыпает Господь
для поэтов на Млечном пути,
Заполняю словами тетрадок бумажные соты.
Если мне суждено,
я до правды смогу дорасти.

Вознесусь над землей,
позабуду о мире и граде.
Предпочту пораженью
веселую смерть на лету.
Чтоб, ломая перо,
не просить у людей Христа ради,
И, ударившись оземь,
зажать в кулаке высоту.

Это проще простого —
    умри да с восходом воскресни,
Ухватившись за гриву крылатого злого коня.
Ничего, ничего...
    Я приду и спою свои песни.
Я ещё постучусь
    к тем, кто знать не желает меня.

* * *

Золотые слова растащило по норам ворьё,
И аукнулась нам
    бесконечная наша беспечность.
Поспешаем за веком и в души несем не своё,
На сегодняшний день
    обменяв православную вечность.

Разрастается зло,
    выползает из темных щелей,
Погремушками слов
    азиаты гремят на рассвете...
Встань за Родину, друг мой!
    Молись и себя не жалея —
От безбожных отцов
    не рождаются русские дети.

Киев

Ни хвалы, ни хулы не коплю
И не маюсь имперской виною.
Говори, милый Киев, со мною —
Я тебя по-сыновьи люблю.

Ты баюкал меня на руках
И поил допьяна тишиною.
Если я заносился в стихах,
Ты смывал их днепровской волною.

Снятся мне и Владимир с крестом,
И каштанов высокие свечи,
И Крещатик в убранстве простом,
И украинок смуглые плечи.

Если в ярости смутных времён
Позабуду, кто я и откуда,
Пусть укатится солнца лимон
С голубого небесного блюда.

Содержание

Караганда (1994–1999)

Караганда	6
«Мысль превращается в слова...»	8
«Колокольцы на шею...»	10
Остановка	11
Картина	13
«В предчувствии первого снега...»	14
Арифметика смерти	15
Суд	16
«Длиннее стали вечера...»	17
«Разорванный к ключья закат...»	19
«Затерянный в зиме...»	20
Городская рапсодия	21
«О том, что в мир вернётся красота...»	24
Церковь	25
Пьяная свадьба	26
Игра	29
«Ну, ударь же сильней!...»	30
Юбилей	31
Семипалатинск	32
«Мой приятель...»	33
Ближнее зарубежье	34

Метафора	35
К Пушкину	36
«Рука не тянется к перу...»	37
Предатель	38
23 февраля	39
Художник	40
Норильск	41
«Просматриваю в книжке адреса...»	42
«Дождь под корой уснул...»	43
«Вновь заскулила душа...»	44
Двойник	45
Игрушечка	46
Здравствуй	47
У озера	49
В глубинке	50
«Эта зима будет прошлой зиме не чета...»	51
«В этом мире я дорог не выбирал...»	52
«Придверный человек...»	53
Исповедь	54
«Татуировки выжигали...»	56
«Жена мне говорит, что будет сын...»	57
«Раскаянье приходит по ночам...»	58
Выбор	59
«Вспоминает зола...»	60
«Родиной пахнет ковыль...»	61
«Хата моя не с краю...»	62
«Гонимые людьми, с земли уходят люди...»	63

Санкт–Петербург
(1999–2004)

Родине	65
«Сняты мне по ночам человекособаки...»	66
«Коль написано на роду...»	67
«Брат и отец в казахстанской земле...»	68
«Всё никак не привыкну к лесам и болотам...»	69
«Обшарпанный футляр...»	70
«Бросил в урну и ложку, и кружку...»	71
«Империя не может умереть!»	72
Ветеран	73
«Дочитал журналы — ну и ладно...»	75
Письмо	76
«Дождь на Неву опустился с утра...»	77
«Пения ангелов мы не услышим...»	79
Ладога	80
«Полякам спать не даст Катень...»	81
Август	83
«Я шёл на отчий зов зимой и летом...»	84
«В январе вечерами темно и беззвёздно...»	85
«Без претензий на некие откровенья...»	86
Блок	87
«Закончился год, закончился век...»	88
«На Ладоге поздняя осень...»	89
«В квартире моей...»	90
«Отступили дожди, навалились снега...»	91
«Умываем наспех руки...»	92
«Сюжетные повторы надоели...»	93
«Когда богатством были три рубля...»	94
Восточный мотив	95
«Меня спросили: “Кем ты был?”»	96

Десантник	97
Овчарка	99
«Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа...»	100
«О России кричать не стану...»	101
Марине	102
Передозировка	103
«Святой Боже, дозвошь говорить...»	105
«Третий день чёрный кот...»	106
«Немолочная вздыбилась речка...»	107
«Мироточат иконы...»	109
«О, как ты был прав...»	110
«Юность в отчем краю...»	112
«Я не страдаю от режима...»	113
Степное	114
«Кому-то изредка везет...»	116
«Скоро утро. Тоска ножевая...»	119
«Не начавшись, закончилось лето...»	120
«Я задыхаюсь и хриплю...»	121
Ненасытная печь...»	122
Поэты	124
«На писательском фронте без перемен...»	125
«Заплачь по мне, как плачут дети...»	126
Колыбельная для Марины	127
«Переполнилось сердце весною...»	129
«Лизал смолистые поленья...»	130
«Из небесной реки пьют небесные кони...»	131
«Недоброе дело, ведя молодых за собой...»	132
Поэту Льву Котюкову	133
«Опустилась на кончик пера...»	135
«Хотел обнять полмира...»	136
«Когда я поселил тебя в душе...»	137
«Не случилось...»	138

«По чёрному — белым...»	139
«Полжизни спалил...»	140
«То не волны шумят на просторе...»	141
«Пришлые гулаговские страхи...»	142
«Стало страшно читать и писать...»	143
«Слово было в начале...»	144
«Кучевые плывут облака...»	145
«Стукнула калитка...»	146
«Облетел календарь отрывной...»	147
«Над Кубанью туман...»	148
«Отсчитаны постельные рубли...»	149
Памяти поэтов, рождённых в пятидесятых	150
Петербургский вальс	151
«Расскажи мне о море...»	154
Летаргия	155
«Осыпаются мысли...»	156
«Позарастала жизнь разрыв-травой...»	157
«...Много выпито, столько же спето...»	158
«Петь не умеешь — вой...»	159
Законченный разговор	160
Уличной девочке-скрипачке	162
«Блажен, кто по ночам не спит...»	163
«То орда на Руси, то варяги...»	164
«Частенько теперь болею...»	165
«Любил я блатные словечки...»	166
Собака	167
«Не гляди на меня...»	169
«Ладога и Онега...»	171
69-я параллель	172
«Горе луковое!..»	173
«Предъявляю права законные...»	174
«Каких я друзей растерял...»	175

Полнолуние	177
«Ночь у камина. Весна...»	178
«Озябшие пальцы и теплые варежки сна...»	179
«Слышащий — да услышит...»	180
«Полыхнувший закат...»	181
«Золотые слова...»	183
Киев	185

Шемшученко
Владимир Иванович
Неподсуден
Сборник стихотворений

Печатается в авторской редакции
Художник — Александр Медведев
Дизайн и вёрстка — Александр Сурнин